

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА СЕМЬИ И СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ

О. В. Кучмаева, М. Г. Кучмаев, О. Л. Петрякова

Демографическая ситуация, в которой находится наша страна сейчас, сложилась не в один момент. Это результат довольно длительной трансформации института семьи, изменения семейных ценностей. Рождаемость в России начала снижаться не сегодня, и даже не в 90-х годах XX в., этому процессу уже около 100 лет, и начался он в конце XIX в. Соответственно меняется структура семьи, снижается ценность семьи и семейного образа жизни. О кризисе семьи и семейных ценностей говорил ещё П. Сорокин. Происходящие с семьёй изменения различные учёные трактуют двояко: либо как кризис семьи (крайне негативное явление, с которым, однако, можно бороться), либо как трансформацию института семьи (необратимый всеобъемлющий процесс, имеющий в том числе и положительные стороны).

Институт семьи включает в себя не только семейную структуру населения, но и направленность образа жизни людей. Под воздействием исторических изменений в отношениях между социальными институтами в обществе происходит трансформация роли социального института семьи в преобразовании основ общественной жизни. Современное российское общество переживает динамичные преобразования социальных отношений, в ходе которых изменяются образцы гендерных взаимодействий, брачно-семейных отношений, роли и статусы мужчин и женщин в обществе и в семье, системы ценностей. Развитие института семьи в России на современном этапе частично повторяет путь развитых в экономическом отношении стран: увеличение количества разводов, внебрачных рождений, развитие альтернативных форм семьи (монородительские семьи, незарегистрированный брак), уменьшение количества детей в семьях, эмансипация женщин и детей. Эти процессы на сегодняшний день характеризуют развитие института семьи в большинстве стран мира.

Сегодня скорость исторической и социокультурной динамики перманентно возрастает, наиболее развитая часть мира переходит от индустриальной к постиндустриальной экономике и соответствующему новому положению вещей типу социальной организации. Эти процессы самым серьёзным образом сказываются на семье и семейных отношениях. Кризис семьи во многом объясняется утратой или недостаточным выполнением семьёй её традиционных функций: репродуктивной, экономической, воспитательной, досуговой и психологической (коммуникативной).

Ценностный конфликт личности и общества относительно рождения и социализации детей, выливающийся в невыполнение репродуктивной и социализационной функций семьи, сопровождающийся ослаблением семьи как союза родственников (процесс нуклеаризации), союза родителей и детей (процесс конъюгализации и девальвации семьи, детей, родительства), союза супругов (процесс индивидуализации, автономизации Я), ослаблением триединства родства-роди-

---

тельства-супружества из-за исчезновения семейного производства, совместной деятельности родителей и детей (процесс замены семьецентризма эгоцентризмом), и может быть определён как кризис семьи.

В отличие от кризиса понятие дезорганизации семьи характеризует негативную направленность семейных изменений в ходе истории или блокирование семейных процессов чрезвычайными обстоятельствами. Крах семьи в качестве термина используется при абсолютном невыполнении специфических функций семьи, характеризуя деградацию общества, порывающего с фамилистическим строем жизни.

В ряде случаев происходящие с семьёй изменения определяются как модернизация, отвечающая изменениям, происходящим в самом обществе.

Однако все авторы солидарны в том, что трансформация института семьи носит долгосрочный характер. До середины XIX в. семья рассматривалась как исходная микромодель общества, социальные отношения выводились из семейных, само общество философами и историками трактовалось как разросшаяся вширь семья, причём как патриархальная семья со всеми атрибутами патриархальности: авторитарностью, собственностью, субординацией и т. п. Поэтому интерес к происхождению человечества способствовал развитию исторического взгляда на семейный строй жизни.

Современные социологи считают, что функционалистский подход может сочетаться с эволюционистским изучением семьи в качестве института, так как в целом институциональное изучение семьи и общества представляет собой «чисто научное» изучение, проявление науки «ради науки». Рассмотрение универсальности семьи и смены её форм в истории составляет суть изучения семьи как социального института в рамках эволюционного подхода, функционалистский подход в свою очередь основывается на изучении выполнения семьёй своих и причин и факторов, вызывающих нарушения их реализации.

В XIX в. возникает и другое, прикладное или эмпирическое, изучение семьи, явно перекликающееся с функционалистским подходом, акцентирующее внимание на эмоциональной близости членов семьи, на их потребностях и влечениях, что в конечном счёте призвано раскрыть споры сплочения отдельных семей и самого института семьи. Речь идёт об изучении семьи как малой первичной группы, имеющей свою особую историю возникновения, функционирования и распада.

Семья, её формы и функции напрямую зависят как от общественных отношений в целом, так и от достигнутого в то или иное время уровня социокультурного развития общества.

Традиционная семья основывалась именно на непотических инстинктах, когда её интересы, как правило, рассматривались человеком как доминантные в отношении личных интересов, более того, интересы семьи зачастую и являлись выражением этих личных интересов.

Патриархальная семья получила широкое распространение в доиндустриальную эпоху благодаря экономической востребованности, в том числе необходимо-

сти большого количества рабочих рук при проведении сельскохозяйственных работ, отсутствии системы социального обеспечения, прежде всего пенсий по старости, давлению социокультурной традиции. Практически все способы удовлетворения всех потребностей были связаны с семьёй.

В современном обществе основную часть функций, которые выполняла патриархальная семья, взял на себя сам индивид, а также государство и общество в лице благотворительных организаций и бизнеса в социальной сфере. С начала XX столетия социальные институты всё более совмещают с семьёй и выполнение функций образования и воспитания (школы и детсады), защиты и охраны (полиция и армия), функции питания, одежды, досуга (сферы обслуживания), функции благосостояния и передачи социального статуса (индустриальный наёмный труд). Залогом социального успеха становится не столько социальное происхождение индивида, прежде определявшее его судьбу, сколько его личные достижения, обусловленные уровнем образования и степенью профессионализма.

В последние десятилетия в развитии института семьи появились новые тенденции. Об этом обычно судят на основании динамики демографических показателей – снижения рождаемости, увеличения удельного веса разводов и неполных семей, уменьшении числа детей в семьях и их нуклеаризации. Современный тип брачности характеризуется уменьшением доли регистрируемых браков и откладыванием вступления в брак на более поздние возраста. На смену единственному для каждого населения типу брачности приходит множество типов брачности, что сопровождается расширением свободы выбора для мужчины и женщины как в семейной, так и в социальной области, равенством обоих партнёров, расширением возможностей для контактов между поколениями, для удовлетворения личных потребностей, самореализации и т. д. Совокупность перемен последних нескольких десятилетий принято обозначать термином второй демографический переход. Для второго демографического перехода характерно то, что все помыслы человека сосредоточены на самореализации, свободе выбора, личном развитии и индивидуальном стиле жизни, эмансипации, что находит отражение в формировании семьи, установках в отношении регулирования рождений и мотивах родительства.

Феномен, который сложнее зафиксировать, опираясь на данные статистики, – это повсеместно происходящий процесс размывания системы поведенческих норм в сфере брака и семьи и представлений о содержании семейных ролей. Происходящим с семьёй изменениям способствовало распространение ценностей индивидуализма, доминирование рациональных регуляторов поведения над нормативными.

Центр тяжести социального контроля над демографическим и семейным поведением людей стал перемещаться с институционально-коллективного уровня на индивидуальный: контроль над личностью со стороны государства, церкви или сельской общины постепенно уступает место самоконтролю, тем самым резко расширяется свобода индивидуального выбора человека во всём, что касается его личной жизни.

В современной семье происходит ослабление экономической функции, главным в ней становится психологическая атмосфера, личностное взаимодействие супругов. Такая семья в зарубежной социологии получила различные названия: «брачная», «товарищеская», «партнёрская» семья. В отечественной социологии формирующаяся новая семья называется «супружеской». Это семья, в которой основная ось отношений определяется не родством и родительством, а брачностью, с неременной акцентацией личных аспектов. Супружеская семья, безусловно, продолжает быть социальным институтом, ибо в ней по-прежнему ведётся домашнее хозяйство, рождаются и воспитываются дети, однако супружеская семья является в большей мере социально-психологической группой, где на первое место выходит эмоциональное взаимодействие супругов.

Изменения, происходящие в институте семьи, влияют на формирование личности. Сегодня человек во всё большей степени становится личностью, способной жертвовать во имя любых социальных общностей, ставить общие (групповые) интересы выше частных. Одновременно диверсифицируются формы семейных отношений, в некоторых странах Европы и Северной Америки легализованы однополые браки, причём нетрадиционные семьи получают тот же объём юридических прав, что и традиционные, в том числе и право усыновления детей.

Институт семьи существует не потому, что выполняет жизненно важные для существования общества функции, а потому, что вступление в брак, рождение, содержание и воспитание детей отвечают каким-то глубоко личным потребностям миллионов людей. По-видимому, именно ослабление, угасание этих личных мотивов и желаний ярче всего раскрывает кризис семьи как социального института и в этом смысле кризис самого общества.

Трансформацию семьи иллюстрирует такой показатель, как изменение структуры семьи:

– Массовая нуклеаризация семьи, уменьшение доли семей, состоящих из трёх поколений, увеличение доли престарелых одиночек, получающих уход вне семей их взрослых детей.

– Снижение брачности и увеличение доли нерегистрируемых сожительства и удельного веса детей, рождённых вне брака, увеличение доли неполных семей, распространение повторных браков мужчин и в меньшей степени женщин и соответственно семей, где один из родителей не является кровным и воспитывает «чужого» ребёнка, увеличение доли семей смешанного типа, где имеются дети от повторного брака и от первых браков каждого из супругов.

По данным переписи 1979 г. таких детей в России было 5,0 миллионов, то есть 14,2% от общего числа детей до 18 лет, живущих в семьях. К 1989 г. их число увеличилось до 5,3 миллионов, но доля от общего числа несовершеннолетних детей в семьях, напротив, даже немного понизилась и составила 13,8%. Перепись 2002 г. показала, что в неполных и прочих семьях воспитывается уже 7,1 млн. детей, а их доля от общего числа детей в семьях возросла до 23,3%. В городах на такие семьи приходится 26% детей, в сёлах – 17%.

– Массовая малодетность и однодетность семьи, вызванные массовой потребностью семьи в одном-двух детях, а не какими-либо помехами к реализации «большой» потребности в детях.

Как свидетельствует анализ данных переписей населения, с 1989 по 2002 гг. доля семей без детей до 18 лет и с одним ребёнком увеличилась; доля семей с двумя детьми сократилась в полтора раза, доля семей с тремя и более детьми, которая и в 1989 г. была незначительной, уменьшилась в 2 раза. Происшедшие изменения обусловлены снижением рождаемости, особенно за счёт вторых, третьих и последующих детей и старением населения.

Всё более широкое распространение однодетной модели семьи означает сокращение средней продолжительности периода социализационного родительства, то есть времени, когда в составе семьи есть несовершеннолетние дети или хотя бы один ребёнок. В 1989 г. доля семей с одним ребёнком была близкой к доле семей с двумя и более детьми (30 и 29% соответственно), в 2002 г. разница между показателями оказалась гораздо более существенной (34 и 18%). В таких условиях переход семьи в последнюю, послеродительскую стадию своего жизненного цикла происходит всё раньше.

За период между переписями удельный вес лиц, состоящих в браке, уменьшился среди взрослых (от 16 лет и старше) мужчин с 71,8 до 62,6%, среди женщин – с 59,8 до 52,6%. Одновременно увеличилась доля лиц, никогда не состоявших в браке: среди мужчин – с 19,6 до 25,1%, среди женщин – с 13,2 до 17,5%. Повысилась и доля разведённых (включая разошедшихся без оформления развода): среди мужчин – с 5,6 до 7,6%, среди женщин – с 8,5 до 11%. Увеличилась доля вдовцов: с 2,5 до 3,6%. Доля вдов в 5 раз больше, но за период между переписями она почти не изменилась. В целом, в контексте брачного поведения наблюдается ориентация к снижению нормы брачности – люди не видят в семейном образе жизни исключительной ценности. С начала 80-х годов прошлого века наблюдается снижение числа зарегистрированных брачных союзов.

При сокращении уровня брачности увеличивается распространённость незарегистрированных браков. Всего в незарегистрированных браках (по данным переписи 2002 г.) состоит около 5% мужчин и женщин бракоспособного возраста или около 10% всех состоящих в браке. Однако в возрастах до 30 лет доля фактических браков гораздо более значительна.

Данные переписей населения, демографической статистики подтверждаются результатами выборочных исследований. По данным исследования, проведённого Центром по изучению проблем народонаселения МГУ, обязательным для себя вступление в брак считает меньше половины респондентов. При этом юноши и мальчики в меньшей степени ориентированы на вступление в брак (табл. 1).

Таблица 1

Желание вступить в брак¹

Хотели бы Вы вступить в брак?	Молодёжь		Подростки	
	Девушки	Юноши	Девочки	Мальчики
Да, обязательно	47,2	28,4	42,6	20,0
Да, желательно	39,4	28,4	38,6	37,6
Нет	3,9	23,9	8,9	14,1
Трудно сказать	9,4	19,3	9,9	28,2

Люди стали более чем лояльно относиться к незарегистрированным бракам. Так, в ходе исследования, проведённого в 2002 г. в г. Твери, выяснилось, что положительно оценивает их большинство населения. Однако с возрастом респондентов доля положительных оценок снижается: в возрастной группе от 18 до 24 лет она составляет 81.2% среди мужчин и 76.9% среди женщин, 40-55 лет – 57.4% и 75.4%, 55-70 лет – 42.1% и 45.2% соответственно².

Хотя в современной России официально незарегистрированные браки получают всё большее распространение, однако наряду с этим на вопрос «Возможно ли для Вас рождение ребёнка в гражданском браке?» практически половина респондентов ответили «нет». Причём при ответах на этот вопрос различия в возрастных группах трудноуловимы. Таким образом, изменение морали по отношению к институту брака, большее распространение фактических брачных отношений вероятнее всего приведёт к ещё большему сокращению рождаемости.

Исследования демонстрируют, что в настоящее время семья и дети не занимают среди основных жизненных ценностей ведущего положения, как это было несколько лет назад³. Первое место респонденты независимо от их возраста, пола, уровня образования, социального положения отдают здоровью, так как именно здоровье членов семьи определяет её благополучие и независимость, затем следуют деньги, и лишь третье место (причём у всех возрастных групп) занимает семья.

Проведённые исследования свидетельствуют о серьёзных проблемах в демографическом поведении молодёжи. Результатом изменений в поведении современной семьи явился отказ от рождения детей, о чём свидетельствует динамика репродуктивных установок населения за последние 10 лет. В частности, опрос студентов петербургских вузов показал, что семья остаётся для них привлекательной ценностью, но связывать себя браком молодёжь не спешит. Девушки планируют замужество в 25 лет – после достижения «независимого и стабильного положения в обществе», юноши ещё позже. Бездетными видят себя 5,8% опрошенных; одного ребёнка планируют иметь 24,4%, двух – 58,1%, трех – 9,4%, четырёх и более – 2,3%⁴.

В Российской Федерации, как и во всех других европейских странах, происходит не только трансформация семьи (переход от законных браков – к так назы-

ваемым «гражданским бракам», от пожизненных браков – к частой смене брачных партнёров, от семей с обоими родными родителями – к семьям с матерью и отчимом и т. д.), но и выход значительной части взрослого населения за пределы семейной жизни вообще. Около половины российских мужчин и женщин в возрастах от 18 до 40 лет вообще не имеют ни законных супругов, ни гражданских партнёров, живущих с ними в одной семье. Доля незамужних женщин в России – самая высокая из всех стран, принимавших участие в Европейском социальном исследовании. Объясняется это не поздним вступлением в брак и не высокой долей «старых дев», а частыми распадами браков и очень низкими (менее 30%) шансами на повторный брак – законный или хотя бы «гражданский» – у разведённых женщин⁵.

Следует подчеркнуть, что репродуктивные ориентации молодежи тяготеют к малодетной семье и далеки от того, что ими же считается допустимым. Даже среди верующих респондентов ожидаемое всего число детей в будущей семье равно 2,26, т. е. оно чуть больше нормы простого воспроизводства населения, хотя и превышает ожидания неверующих (2,05).

По данным выборочного обследования «Семья и рождаемость», проведённого Росстатом в 2006 г., среднее желаемое число детей, т. е. то количество детей, которых респонденты хотели бы иметь при наличии всех благоприятных условий, составило в Тверской области 2,24 у женщин и 2,40 у мужчин, в Нижнем Новгороде – соответственно 2,26 и 2,63, в Республике Марий Эл – 2,33 и 2,56. У более молодых женщин и мужчин этот показатель существенно ниже. Ещё ниже среднее желаемое число детей у подростков: в Тверской области – 1,99, в Нижнем Новгороде – 2,15, в Республике Марий Эл – 2,11. Во всех трёх регионах оно оказалось ниже уровня, необходимого для обеспечения воспроизводства населения.

Наблюдаемая либерализация отношения молодежи к регистрации брака ведёт к более низким репродуктивным ориентациям. По данным выборочного обследования «Семья и рождаемость», подростки, считающие регистрацию брака обязательной и предшествующей началу супружеских отношений, называли в среднем существенно более высокое и желаемое и ожидаемое число детей. Так, например, у тверских подростков, которые полагают, что брак нужно зарегистрировать прежде, чем начинать жить вместе, среднее желаемое число детей составляет 2,26, а ожидаемое – 2,06. У тех же, кто полагает, что сначала надо пожить вместе год-два и проверить свои чувства, а затем регистрировать брак, эти показатели равны, соответственно, 1,91 и 1,58.

Эти изменения сопровождаются формированием эгалитарных, демократических отношений между супругами, изменением отношений между детьми и родителями, эмансипацией детей от родителей, распространённостью разводов, появлением альтернативных моногамии форм семьи.

К нетрадиционным семейным моделям относят:

- фактические браки (незарегистрированное сожительство);
- последовательная полигамия (неоднократное вступление в брак);
- семьи с неродными родителями;

- «Годвин-брак» (раздельно-регулярный);
- бигамные браки (мужская и женская бигамия).

Как уже отмечалось, перемены, происходящие с институтом семьи в России (и в большинстве западных стран), в отечественной социологии и демографии трактуются двояко: как кризис или как трансформация института семьи. По сути, вопрос заключается в том, считать ли рост уровня разводимости, снижение рождаемости и расширение многообразия форм брака кризисом семьи или эволюцией. В зависимости от ответа на этот вопрос различается и оценка последствий этих явлений и тенденций, а также возможностей их предотвращения.

Всё разнообразие точек зрения на описанные семейные изменения может быть сведено практически к двум основным парадигмам, в рамках которых интерпретируется вся семейная проблематика и вырабатываются подходы к её практическому разрешению. Одна из этих парадигм – это парадигма, которую можно охарактеризовать как парадигму модернизации⁶ (она же – парадигма здравого смысла, парадигма помех). Другая – это парадигма кризиса семьи⁷.

В рамках первой из них – парадигмы модернизации – как позитивные, так и негативные изменения семьи воспринимаются и интерпретируются как частные, специфические проявления общего и положительного (прогрессивного) процесса модернизации семьи и воспроизводства населения, смены одного их типа («традиционного») другим («современным»). Модернизация семьи при этом рассматривается как часть, проявление, элемент модернизации всего общества. Именно поэтому все характеристики этой последней автоматически и со знаком «плюс» переносятся и на семью. В рамках этой парадигмы рассматриваются лишь временные и локальные несоответствия и проблемные ситуации. Эти ситуации рассматриваются как результат действия преходящих и поверхностных факторов, отражающих главным образом неодинаковую скорость процессов модернизации различных подсистем на отдельных территориях и в отдельные периоды.

Сторонники теории «модернизации института семьи» считают изменения в современной семье эволюционными. Ряд из них полагает, что трансформация института семьи имеет значительно более глубокие корни, чем политические и экономические изменения последних 20-ти лет. Однако они накладываются, с одной стороны, на фундаментальные эволюционные сдвиги, обусловленные демографическим переходом и общие для всего мира, а с другой – на непреодоленные застойные демографические тенденции, сложившиеся в последние советские десятилетия. Переплетение трёх указанных групп факторов – эволюционных, инерционных и пертурбационных – решающим образом влияет на демографическое развитие всех постсоветских стран.

Другая же парадигма – парадигма кризиса семьи как социального института – те же самые семейные изменения рассматривает как исторически конкретные выражения глобального системного кризиса семьи, вызванного к жизни не какими-то случайными, временными несоответствиями, негативными явлениями и проблемными ситуациями, а коренными, сущностными, атрибутивными чертами

индустриально-рыночной цивилизации. Этот кризис есть глобальная проблема современности, равновеликая, по крайней мере, экологической.

Концепция кризиса семьи ориентирует не на внешние по отношению к семье причины неблагоприятных явлений, не на «помехи» эволюционному ходу событий, а на пороки социальной организации рыночно-индустриального типа. Ослабление социально-нормативной регуляции семейности, трансформация культурных символов и образцов, снижение ценности брака, семьи с детьми, единства всех семейных поколений – социокультурные процессы, которые раскрывают сущность кризиса семьи. Они же делают бесперспективной ориентацию социальной политики только на устранение или коррекцию негативных последствий спонтанной эволюции семьи.

Демографы-«кризисники» признают, что причины кризиса носят объективный, долговременный и глобальный характер, но считают, что следует бороться, а не мириться с кризисом и не отрицать сам его факт.

Сторонники теории модернизации же утверждают, что институт семьи переживает не кризис, а «модернизацию», которая является закономерным следствием общественного прогресса и при всех своих «издержках» (низкая рождаемость, убыль населения, рост числа разводов, высокая доля неполных семей) носит в целом прогрессивный и позитивный характер, т. к. обеспечивает свободу выбора семейного и демографического поведения, которая объявляется одним из «прав человека».

Необходимо заметить, что все специалисты, занимающиеся исследованием современной семьи, отмечают изменения и кризисные процессы, происходящие в семейных отношениях. Только одни прочат крах семьи, а другие полагают, что она сохранится в модернизированном виде.

Сторонники кризисной и модернизационной концепций государственной семейной политики по-разному оценивают изменение семейных ролей и переход от патриархальных к эгалитарным отношениям в семье, к приоритету интересов индивида над интересами семьи в целом. Поэтому ими предлагаются и разные меры семейной политики. Это либо государственный патернализм, возрождение семейного производства, повышение субъектной роли семьи, либо обеспечение государством условий для свободного развития каждой семьи, опирающееся на приоритет интересов личности, развитие эгалитарных отношений в семье и обществе.

Представляется, что в рассмотренных подходах, несмотря на явные противоречия, существует достаточно много общего – в частности, все специалисты отмечают происходящие с семьей изменения, однако расходятся в их оценке. Вероятно, это обусловлено тем, что сторонники кризиса семьи рассматривают происходящие изменения прежде всего с позиций института семьи как такового и общества в целом, а сторонники модернизации – с позиции семьи как малой группы и личности в частности. Безусловно, происходящие изменения не могут быть оценены личностью негативно, если они осуществляются в интересах данной личности, даже если они угрожают, возможно, существованию самого института

семьи. Однако упование лишь на интересы личности даже в ущерб обществу представляется ошибочным. С проблемой поиска границ свободы личности сталкиваются сейчас многие страны, в том числе и в контексте выбора между свободой и безопасностью. В том случае, если распространение тех или иных явлений угрожает существованию самого общества, общество имеет право защитить себя. Древнейшим регулятором, в частности, выступает мораль (помимо института права), определяющая границы свободы личности. Вопрос, безусловно, в методах и инструментах такого регулирования, в частности, воздействия на брачно-семейное поведение.

Принципиальная особенность семейной политики заключается в воздействии на функционирование института семьи не прямо, а опосредованно, через формирование системы норм и ценностей, поведение, через принятие решений в сфере брака, семьи, рождения детей, выбора профессии, сферы занятости, места жительства. Меры семейной политики воздействуют как на формирование потребностей в семейном образе жизни, значимости семейных ценностей, обуславливающих специфику жизнедеятельности семьи, так и на создание условий для их реализации.

Мероприятия, направленные на укрепление института семьи, должны носить комплексный характер, включать не только меры экономической поддержки. Полагаем, что для достижения эффективного результата семейная политика должна реализовываться в организационно-идеологической сфере, в области информационной политики и СМИ; в области жилищной и градостроительной политики; в области здравоохранения; в области образования; в области улучшения социально-экономических условий и повышения уровня жизни. Ключевым стержнем реализуемых мер должна быть направленность на повышение престижа семьи и семейного образа жизни.

---

¹ *Архангельский В. Н., Елизаров В. В., Зверева Н. В., Иванова Л. Ю.* Демографическое поведение и его детерминация. – М.: Теис, 2005. – С. 66.

² *Богданова Л. П., Щукина А. С.* Гражданский брак в современной демографической ситуации // Социологические исследования. – 2003. – № 7. – С. 101.

³ См.: *Какорина Е. П.* Здоровье – основная жизненная ценность // Мир психологии. – 2000. – № 1. – С. 75–82.

⁴ См.: *Соколов А. В., Щербакова И. О.* Ценностные ориентации постсоветского гуманитарного студенчества // Социологические исследования. – 2003. – № 1. – С. 115–123.

⁵ *Кучмаева О. В., Синельников А. Б. и др.* Научный отчет «О положении семей в Российской Федерации». – М.: Институт семьи и воспитания РАО, 2008. – Рукопись.

⁶ См.: *Вишневский А. Г.* Россия перед демографическим выбором. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007.

⁷ Там же.